

Ян Юэ и Ма Тао, изрядно уставшие, сидели на обочине дороги, отдыхая в траве. Цзян Юй же с любопытством катался на одноколёсной тележке. Поскольку для управления такой тележкой требовались хорошее чувство равновесия и сила, он то и дело опрокидывался, но каждый раз вставал и продолжал играть с не меньшим энтузиазмом.

Цинь Ян посмотрел на небо, достал из кармана десять юаней и протянул их Цинь Фэн:

— Сначала иди домой готовить. Купи на эти деньги рис, спроси, у кого есть копчёное мясо, возьми немного, а также используй все оставшиеся яйца. Приготовь капусту, картошку, побольше.

Цинь Фэн кивнула и, взяв деньги, побежала.

— Цинь Фэн, куда, куда идёт? — увидев, что Цинь Фэн уходит, Цзян Юй остановил тележку и подбежал к Цинь Яну.

Цинь Ян поправил ему криво надетую соломенную шляпу и тихо сказал:

— Домой готовить. Хочешь пойти с ней? Я скажу, чтобы подождала.

— Нет, не пойду с Цинь Фэн. Я хочу, хочу быть с тобой, — Цзян Юй тут же покачал головой.

Цинь Ян погладил Цзян Юя по голове, затем подошёл к мешкам с капустой и сказал:

— Сегодня отвезём одну тележку домой, завтра вернёмся.

— А здесь всё будет в порядке? — спросил Ма Тао.

— Должно быть... Подождите меня здесь минутку, — Цинь Ян открыл один из мешков, взял четыре кочана капусты и направился к ряду небольших домиков, построенных из шифера.

На угольном складе поселились пять-шесть человек, земляков Ло Цинсуна, приехавших копать уголь. Сам Ло Цинсун был из другого региона, судя по акценту — из Хунани. За несколько месяцев они построили несколько маленьких домиков.

Несколько мужчин, обнажённые по пояс, мыли свои закопчённые тела под навесом. Увидев Цинь Яна, они дружелюбно поздоровались и на ломаном китайском спросили, к кому он идёт. Хотя Цинь Ян знал, где живёт Ло Цинсун, он вежливо ответил, и мужчины, указав направление, с энтузиазмом объяснили, куда идти. Цинь Ян с улыбкой поблагодарил их и протянул один кочан капусты, чтобы они могли попробовать. Мужчины, немного смутившись, с благодарностью приняли подарок.

Цинь Ян подошёл к дому Ло Цинсуна и сразу увидел, что тот лежит на кровати, обнажённый по пояс, и обмахивается веером, наслаждаясь отдыхом.

Жена Ло, увидев Цинь Яна, крикнула что-то по-хунаньски мужу. Ло Цинсун тут же вскочил, посмотрел в дверь и, радостно надевая обувь, закричал:

— О! Брат Цинь! Заходи, заходи, садись. Жена, налей чаю!

Цинь Ян сдержанно улыбнулся, поставил кочаны капусты на простой стол и сказал:

— Сестра, не беспокойтесь, я просто принёс вам немного свежей капусты, чтобы попробовать. Сейчас уйду.

— Собирали урожай? Садись, уже поели? — Ло Цинсун поспешил предложить Цинь Яну табурет.

Цинь Ян взял чашку чая, которую подала жена Ло, и отпил глоток:

— Дома готовят, скоро поедем. Брат Ло, могу я попросить тебя об услуге? Не мог бы ты присмотреть за мешками с капустой, которые я оставил на дороге? Уже поздно, не успеваю всё увезти.

— Без проблем! Пойдём, посмотрим. Завтра, когда придёшь, всё будет на месте! — Ло Цинсун с готовностью ответил.

Цинь Ян с благодарностью улыбнулся, попрощался с женой Ло и пошёл с Ло Цинсуном к подножию дамбы. Получив заверения, что всё будет в порядке, они наконец смогли спокойно отвезти один мешок капусты домой.

Они шли, смеясь и болтая, толкая тележку с мешком капусты. Поднимаясь на холм Байфэнь, трое мужчин легко справились с задачей. Если бы Цинь Ян был один, это было бы сложнее, так как склон холма был довольно крутым.

Цинь Ян привёз мешок капусты во двор дома Цзяна и предложил двум мужчинам отдохнуть в главной комнате, уже считая этот дом своим.

Цзян Юй, вернувшись домой, сразу же начал играть с подросшим псом Сяо Хэем. Цинь Ян зашёл к соседям, чтобы узнать, готова ли еда. Цинь Фэн подбежала к нему и сообщила, что копчёного мяса не нашла, только кусок вяленого, купленного у Рябого Ли. Это мясо осталось после недавних похорон, его засолили и повесили сушиться на ветру. Сын Рябого Ли, Ли Юцюань, был благодарен Цинь Яну за то, что тот один помогал его отцу во время поминок, поэтому не взял денег и даже сказал, что если нужно ещё, можно взять у них.

Цинь Ян кивнул, подумав, что позже стоит отнести им немного капусты. На участке Ли Юцюаня весь урожай был собран во время похорон, и даже если что-то посадили, оно ещё не выросло. Капуста была бы как раз кстати.

Когда еда была готова, уже стемнело. Цинь Ян специально открыл оставшуюся бутылку Маотая, чтобы угостить друзей. Трое мужчин сидели во дворе дома Цзяна, при свете фонаря и луны, разговаривая и шутя. Цзян Юй, поужинав, заметил, что на лужайке у холма Байфэнь играют дети, и, схватив Сяо Хэя, побежал к ним.

Луна освещала лужайку, делая её загадочной и красивой. Группа подростков лет пятнадцати-шестнадцати весело играла в игру под названием «Смотри, как проходят боги». Правила были просты: один человек закрывал глаза другому, а остальные проходили перед ним, делая различные движения. Тот, кто закрывал глаза, должен был угадать, что они делали. Когда все заканчивали, они выстраивались в ряд, и ведущий давал задание угадать, что они делали. Если угадывали правильно, менялись ролями, если нет — наступало наказание.

Наказание было забавным: группа становилась в два ряда, и провинившийся должен был пройти между ними, пока другие либо плевали на него («дождь»), либо били кулаками («гром»), хотя последнее использовалось редко.

Цинь Фэн быстро влилась в игру, а Цзян Юй остался в стороне, выглядев чужим. Поскольку он был «дурачком», его избегали. Даже если девочки, видя, что он тихий и спокойный, хотели пригласить его, мальчики сразу же отказывались, говоря, что он не умеет играть.

Цинь Фэн попыталась уговорить их, но один из мальчиков раздражённо сказал:

— Надоело! Может, и ты не будешь играть, а пойдёшь с дурачком?

Прежде чем Цинь Фэн успела ответить, Цзян Юй поспешно замахал руками:

— Цинь Фэн, я, я не буду играть. Ты играй с ними. Я, я буду просто смотреть.

Так он и стоял в стороне, наблюдая, а иногда, когда игра становилась особенно весёлой, глупо улыбался.

После игры в «Смотри, как проходят боги» они начали играть в «Семью» и «Женитьбу».

Подростки, ещё неопытные, но уже испытывающие первые чувства, интуитивно выбирали пары, которые им казались подходящими, и играли в свадьбу.

Цинь Фэн была симпатичной, и один из мальчиков, который ей нравился, быстро оказался рядом с ней. Все нашли себе «пары», и игра началась.

Всего было шестнадцать человек, и мальчиков и девочек было не поровну, поэтому двое мальчиков тоже составили пару. Но рядом с Цзян Юем никого не было, и он просто сидел на траве, с любопытством наблюдая за игрой.

— На свадьбе нужно целоваться! — раздался крик мальчиков, и через мгновение девочки, смущённые, начали смеяться и ругаться.

Цзян Юй смотрел, как двое, которых подтолкнули друг к другу, поцеловались в щёку, а затем все с криками разбежались. Он видел, как девочка, которую поцеловали, села на землю и заплакала, а потом все снова собрались вокруг неё, чтобы утешить. Он не понимал, что происходит. Почему они целовались? Почему потом убежали? Почему девочка плакала? Разве поцелуй — это больно?

Через некоторое время взрослые позвали своих детей домой, и все постепенно разошлись.

Цинь Фэн забрала Цзян Юя, и они вернулись домой. Трое мужчин всё ещё громко разговаривали и смеялись.

Цинь Фэн не стала вмешиваться, а пошла домой, чтобы приготовить отцу воду для мытья ног. Цзян Юй подбежал к Цинь Яну, присел рядом и, посмотрев на пустую бутылку Маотая, понюхал её и с отвращением сказал:

— Фу, фу, как воняет.

— Дурачок, это же хорошая вещь! У меня тут ещё осталось, попробуй! — пьяный Ян Юэ громко рассмеялся.

Цинь Ян, хоть и был слегка пьян, всё ещё сохранял ясность ума. Он поднял бровь, собираясь остановить его, но Цзян Юй уже покачал головой:

— В чашке есть, есть твоя слюна. Я, я не буду пить. Я хочу, хочу пить с Цинь Яном.